Диана БАЛИБАЛОВА

НАМ ДОРОГИ ЭТИ ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ…

После войны у нас дома собирались друзья отца, приходили семьями, с детьми. Было много интересных разговоров. И обязательно пели замечательные советские песни:

Эх, дороги,
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей,
Может, крылья сложишь
Посреди степей.

Вьётся пыль под сапогами –
Степями, полями.
А кругом бушует пламя
Да пули свистят <…>

Снег ли, ветер, –
Вспомним, друзья!..
Нам дороги эти
Позабыть нельзя.

Рассказывали про свои фронтовые дороги, вспоминали погибших друзей.

Дорога на фронт у отца началась первого июля сорок первого года на кемеровском призывном пункте. На следующий день их воинский эшелон из Новосибирска на предельной скорости двинулся к Москве. Не доезжая до столицы, на станции Перовской глубокой ночью их подняли по тревоге и вывели на железнодорожные пути. Это был налёт на Москву. После отбоя эшелон тронулся в Калинин (ныне Тверь. – *Д. Б.*), где солдатам выдали сухой паёк, а обедать они должны были в Бологом. Поезд шёл на Ленинград.

В своём очерке «Дело было подо Ржевом» отец писал: «Станция Бологое в этот июльский солнечный полдень предстала перед нами невообразимой свалкой искорёженных вагонов. Эшелон наш загнали в уцелевший после бомбёжки тупик, а отсюда роту повели на расчистку путей. И то, что я увидел, потрясло меня: под грудами обожжённого железа лежали обугленные трупы – всё, что осталось от медико-санитарного батальона. При налёте фашистских самолётов эшелон находился между составами с горючим и боеприпасами. Бомба попала в большую цистерну с бензином, люди оказались в огненной ловушке, из которой никому, видимо, не удалось вырваться.

Массированные налёты вражеской авиации усиливались, и дорога на Ленинград, таким образом, для нас была перекрыта. Двое суток стояли в лесу, ждали нового маршрута. На третий день на ранней заре погрузились в вагоны. Эшелон пошёл на юг к озеру Селигер…» (Такой нам выпал жребий: Сб. воспоминаний. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1989).

В этом очерке отец назвал основные вехи своих фронтовых дорог: «Торопец – древний русский городок … стал порогом, от которого начиналась моя фронтовая дорога длиною без малого в четыре года: через Ржев, Калинин, Ростов и Донбасс, Кавказ, Моздокские и Кубанские степи, Карпаты, Будапешт, Надьканижа и австрийские Альпы. Только там, в маленьком городке Вильдон, встретил я светлый праздник Победы. <…>

Станция Торопец была в те дни точкой притяжения вражеской авиации. Разгружались мы под вечер на временной площадке с лихорадочной спешкой и страхом попасть под бомбёжку. Нам повезло: проскочили. <…>

Эх, дороги!.. Запомнились они солдатам и ныне живут в памяти известными приметами: пыль да туман, холода, тревоги да степной бурьян. Но в мою первую фронтовую ночь не было ни пыли, ни бурьяна. Валдайский лес душил сырым погребным воздухом, слепил непроницаемым мраком; дорога то нещадно трясла на обнажённых корнях вековых сосен, стоявших по бокам сплошной тёмной стеной, то внезапно выскакивала на узкий бревенчатый настил через болота, где каждый неловкий поворот баранки грозил срывом машины с колеи в торфяной кочкарник. Не берусь описывать, с какой мукой нам удалось протащить старенькие трёхтонки через болотную хлябь, но когда добрались до места дислокации, от усталости мы буквально валились с ног.

Наступил сорок первый день войны. <…> В конце августа войска нашей армии оставили Великие Луки и заняли оборону на левом берегу Западной

Двины. Армейский штаб разместился в лесной деревушке вблизи станции Земцы, в четырёх перегонах западнее города Ржева. <...>

К полудню выползли на лесную развилку дорог. Кругом непролазная грязь. <...> В Нелидово приехали в сумерки. Остановились на окраине станционного посёлка... А утром нам приказ: заправить машины и следовать на Ржев, где был расположен ключевой пункт связи оборонительного пояса... В полдень 11 октября увидели Ржев в дыму пожарищ. Горел железнодорожный узел... 12 октября рота сосредоточилась на северной окраине Ржева, на шоссе, ведущем в город Калинин. По всем приметам день обещал быть сухим и тёплым. И никто даже в мыслях не допускал, что это наш последний рейс и что уже через несколько часов рота погибнет, исчезнет без следа, будто она вообще была призраком и на самом деле никогда не существовала».

После налёта вражеской авиации от роты осталось пять машин и два десятка солдат. Почти трое суток отец и встреченный им солдат авиаполка блуждали по валдайским болотистым лесам. Наконец вышли к какому-то селу, где встретился им наш интендант на полуторке. Он проверил у них документы, довёз до Ленинградского шоссе и показал дорогу на Бежецкое шоссе, где находился сборный пункт.

Из воспоминаний маршала Г. К. Жукова известно, что на 500-километровой линии Западного фронта с 13 октября разгорелись ожесточённые бои на всех оперативно важных направлениях, ведущих к Москве. И самым уязвимым местом считался город Калинин. Он был для немцев стартовой площадкой наступления по правобережью Волги через город Клин на Москву, а по Ленинградскому шоссе – на город Торжок, в тыл войскам Северо-Западного фронта, и по Бежецкому шоссе – на север. Предстояло любой ценой блокировать выход противника на Торжок и Бежецк, выиграть время для формирования нового фронта и таким образом закрыть здесь путь немцам на Москву.

Далее отец пишет: «После короткого марша рота заняла позицию на опушке соснового бора. Первый взвод расположился впереди других на пологом склоне, в мелком сосняке, откуда нам предстояло утром атаковать опорный узел немцев, занять овощехранилище и закрыть выход из города на Бежецкое шоссе...

Утро начиналось зябким рассветом... Под ногами вязкий суглинок. Командир взвода шёл впереди широким и твёрдым шагом. Я – вслед. <...> Выходим из посадок, впереди открытый пустырь, справа усадьба ... а вдали ... длинные чёрные бугры – это овощехранилище. Там немцы. И наша задача ... во что бы то ни стало выковырять оттуда немцев штыками – другого оружия, кстати сказать, у нас и не было. Взвод разворачивается в цепь. Немцы открыли шквальный пулемётный огонь, над головой засвистели пули. Лейтенант рванулся вперёд... Над усадьбой взметнулся столб дыма. Когда я подбежал, лейтенант как-то неловко сидел, прислонившись спиной к стенке сарая, вытянув ногу.

Увидев меня, он крикнул:

– Старший сержант, принимай взвод, веди... Теперь ты за меня, понял?

– За мной, – махнул я рукой подбежавшим солдатам и кинулся прочь от сарая, плохо соображая, что же дальше делать... Задохнулся... Упал... Отдышался... Поднял голову, оглянулся – солдаты бежали по моему следу. Ага, значит слушают мою команду. Обрадовался.

Вскочил на ноги, покрутил над головой пилоткой:

– За мной, вперёд!..

В сумерках мы наконец заняли эти проклятые картофельные бункера... Голодный и усталый, я еле держался на ногах. <...> Присел передохнуть малость и уснул...

– Давай поднимайся, браток, – разбудил меня солдат, – консервы принесли и махру, иди получай...

После еды я вернулся на своё место, но отдыхать не пришлось, скоро позвали к майору. Я ещё не знал, что в роте осталось меньше взвода солдат и не было ни одного командира, не знал, что рядом с нами наступали ополченцы и сейчас занимали соседние бункера, а от Селигера и Торжка подошли наши кадровые части с артиллерией и танками и ведут бои на Ленинградском шоссе, причём довольно успешно – немцы там отступают к центру города... И наша задача – не дать им времени подтянуть резервы. Надо любой ценой захватить перекрёсток и затем выйти на берег Волги, в центр города. Надо надеяться только на собственные кулаки. Другого нам не дано...

Затемно вышли на рубеж атаки, и опять без огневого прикрытия. Вся надежда на внезапность. Надо подойти к немцам вплотную – и в штыки... Светает. Слева в трёх шагах от меня политрук. Вползаем на улицу, прислушиваюсь – тишина. Оглядываюсь на политрука – он машет рукой: двигай, мол, дальше. Ползу вдоль штакетника. Вдруг впереди, совсем, кажется мне, близко, каски. Да это же немцы! В этот момент раздаётся выстрел. Немцы вскочили, смешались в толпу, беспорядочно бегут поперёк улицы, сворачивают во двор усадьбы. Мы с

политруком бежим вслед за ними... Эх, будь у нас тогда гранаты!.. Но гранат у нас не было, и момент был упущен. Немцы забежали в усадьбу, опомнились и забросали нас гранатами...

Очнулся я в придорожном кювете. Солдаты перевязывали мне ногу... Шёл 118-й день войны...»

Затем были госпитали в Костроме и Молотове (ныне Пермь. – *Д. Б.*). Новый, 1942 год отец встречал в городе Шадринске – курсантом Московского краснознамённого военно-политического училища имени В. И. Ленина. Учёба продолжалась три месяца. В конце марта 1942 года отец неожиданно получил назначение в Кубанскую кавалерийскую дивизию политруком эскадрона. Как это произошло? Оказалось, что главным критерием при его назначении в кавалерийскую дивизию было умение управлять... лошадью. Дело в том, что он с 1934 по 1936 год служил в армии на Дальнем Востоке в артиллерийской разведке. Как известно, в то время артиллерия была на конной тяге. Отец рассказывал, как они верхом на лошадях ежедневно прочёсывали советско-китайскую границу.

В июле 1941 года на Кубани стали формироваться кавалерийские казачьи сотни с целью оказания помощи истребительным батальонам по борьбе с возможными парашютными десантами врага. В ноябре 1941 года сотни свели в полки, а из полков составили кубанские казачьи кавалерийские дивизии, которые в январе 1942 года были включены в кадровый состав Красной армии. Полки должны были укомплектоваться командным и политическим составом. Вот здесь и потребовалось то умение, которым обладал отец.

Ситуация на фронтах весной 1942 года была неблагоприятная. Осуществив ряд успешных операций зимой 1941 года, наше командование недооценило военный потенциал гитлеровцев на Восточном фронте. К 1942 году была потеряна Украина, Белоруссия, Прибалтика, Крым, Донбасс, в блокаде находился Ленинград. В этих условиях Кавказ и Закавказье оказались ключевыми промышленными и сельскохозяйственными районами. Для фашистов Кавказ тоже был жизненно необходим по причине главным образом недостатка нефти и нефтепродуктов.

Советское командование развернуло три фронта: Южный, Северо-Кавказский и Закавказский. Южный фронт имел в своём составе пять армий, задачей которых было не допустить форсирования врагом Дона и развития наступления на Кубань и Кавказ. Северо-Кавказский фронт состоял из одной армии и двух корпусов. Они должны были оборонять побережье Азовского и Чёрного морей.

Закавказский фронт состоял из двух армий и одного кавалерийского корпуса. Он оборонял побережье Чёрного моря с нашими базами МВФ, расположенными в Грузии. Часть сил располагалась в северной части Ирана для прикрытия ирано-турецкой границы. Турция сосредоточила на границе с СССР 19 дивизий. Все три фронта не были полностью укомплектованы, имелись проблемы и с тыловым обеспечением.

В начале ноября 1941 года Южный фронт остановился на Миусе и Северском Донце. Постоянные контратаки наших войск сковывали большие силы врага на южном крыле во время битвы под Москвой.

Летом 1942 года при проведении Харьковской наступательной операции ценой больших потерь фашисты прорвали оборону Миуса, вышли к Волге и в предгорья Кавказского хребта. Линию по Миусу Гитлер называл «новой государственной границей Германии – нерушимой и неприкосновенной».

На правом берегу Миуса за годы войны было создано три линии обороны. Одна из них проходила вдоль речки Кальмиус (сегодня здесь проходит линия соприкосновения карательных войск Украины и ополченцев Новороссии). Все основные высоты под Таганрогом, Матвеевым Курганом, Куйбышево, Красным Лучом были под контролем фашистов. Вот в этих местах и пришлось сражаться отцу летом 1942 года в составе 19-го кавалерийского кубанского полка, где он был политруком эскадрона.

Там с ним произошла история, которая могла закончиться трагично. Он рассказал нам об этом спустя много лет после Победы. Летом в районе Матвеева Кургана шли тяжёлые бои, фашисты наступали, стремясь скорее захватить Ростов-на-Дону. Наши попали в окружение и были пленены. Фашисты их построили и скомандовали: «Комиссары и жиды, выходите!» Никто не вышел и не выдал политруков. Тогда велели всем спустить штаны, увидев обрезанных, отвели в сторону и тут же расстреляли. Отец рассказывал, что один из наших бойцов умолял не расстреливать его, кричал, что он мусульманин, но немцы не стали разбираться.

Оставшихся загнали в какой-то сарай, закрыли на замок и быстро уехали, пообещав вскоре вернуться. Кругом стоял грохот, всё горело, степь заволакивало дымом. В сарае несколько человек подошли к отцу, стали соображать, как выбраться из этой ловушки. У кого-то нашлись металлические ложки, ножички. Стали делать подкоп. Выбрались они из этого сарая уже ближе к ночи.

Встал вопрос: куда идти? Бой уже шёл в отдалении, видны были отблески огня, наступала ночь. Не-

сколько человек, в их числе и отец, решили идти туда, где слышались разрывы снарядов и продолжался бой. Вторая группа пошла в другую сторону, а несколько человек остались, сказав, что они никуда не пойдут и воевать больше не хотят. Отец со своей группой через несколько часов вышли к своим, документы у них были, и их поставили в строй.

Фашисты продолжали стремительно наступать, и к 19 августа большая часть Кубани была захвачена, пали города Майкоп, Ставрополь, Армавир, Элиста, Краснодар. Красная армия понесла крупные потери.

Серьёзное сопротивление наша армия смогла организовать только на подступах к Туапсе, не позволив окружить крупную группировку наших войск, преградив фашистам путь к Чёрному морю.

Дивизия, где воевал отец, в августе 1942 года вела тяжёлые бои в окружении в районе Туапсе. После прорыва окружения за проявленные личным составом в боях с немецко-фашистскими захватчиками стойкость, мужество, дисциплину и героизм она была преобразована в 9-ю гвардейскую Кубанскую казачью кавалерийскую дивизию (27.08.1942).

В августе 42-го на Северный Кавказ приехал нарком Л. М. Каганович, член Политбюро ЦК ВКП(б). В июле того же года он был назначен членом Военного совета Северо-Кавказского фронта. По рассказам отца, Каганович провёл совещание политруков. Он откровенно рассказал им о тяжёлой ситуации на Кавказе и поставил задачу – стоять насмерть, но не дать фашистам перерезать железную дорогу. Его речь произвела очень сильное впечатление своей откровенностью. В конце выступления нарком сказал, что политруки должны быть уверены в победе и эту уверенность передавать бойцам. Затем попросил выйти тех, кто не уверен в своих силах. Я удивилась: «Неужели кто-нибудь вышел?» Отец ответил, что вышло примерно 20 человек из 200. Их увели. Я допытывалась: «Их расстреляли?» Отец ответил, что никого не расстреляли, а сняли с командных должностей и перевели в хозяйственные службы, людей в частях не хватало. Отец сказал, что он потом встречал некоторых из них.

После окончания совещания тут же в саду были накрыты столы, все пообедали, выпили за победу и разъехались по своим частям «стоять насмерть» – в буквальном смысле этого слова.

25 сентября немцы предприняли попытку наступления в сторону Туапсе. После пяти дней упорных боёв противник был остановлен. В октябре две казачьи кавалерийские дивизии, в одной из которых воевал отец, были переброшены в район Гудермеса. Здесь сосредотачивались крупные силы противника для удара на Орджоникидзе – Грозный. Казаки-красноармейцы должны были сорвать это наступление. Им ставилась задача – уничтожать базы, линии связи и коммуникации Моздокской группировки противника. Переходы они совершали ночью по безводной и бездорожной полупустыне, почти не имеющей никаких населённых пунктов. Тяжёлые бои им пришлось вести в районе села Ачикулак в Ногайской степи.

С октября 1942 года по январь 1943 года казачья дивизия действовала в тылу противника по бездорожью, затем вела тяжёлые бои с танками противника в районе Камыш-Буруна. Против наших частей воевали не только отборные немецкие части, арабы из 5-го Африканского добровольческого корпуса, но и казачьи формирования вермахта.

В ноябре 1941 года Гитлер отдал распоряжение о формировании на Кавказе четырёх национальных легионов (Туркестанского, Грузинского, Армянского и Кавказско-магометанского), а в 1942 году разрешил использовать казаков и кавказцев в особых боевых частях как своих союзников.

В результате кровопролитных боёв немцам не удалось захватить нефтяные районы нашей страны и пробиться на Ближний Восток. Турция не вступила в войну с СССР.

О битве за Кавказ отец не очень много рассказывал, но говорил, что там было очень тяжело, потому что не хватало снарядов да ещё и местные стреляли в спину. После войны он получил медаль «За оборону Кавказа».

В 1987 году он получил приглашение на праздник-встречу, посвящённую 45-летию освобождения Нефтекумского (бывшего Ачикулакского) района. Организаторы просили прислать воспоминания. Вот что он писал: «4-й казачий кавкорпус был добровольческим, рядовые казаки были старые, участники Гражданской войны. Службу свою знали, но возраст уже сказывался. Пока было тепло, всё шло по порядку, но с наступлением холодов казаки стали болеть и теряли боеспособность. Очень трудно у нас было с питанием, не было хлеба, соли, ели одну баранину. Но чтобы сварить барана, надо было найти топливо, а его в степи не было, собирали траву, как казаки называли, «бурун». Но самое главное – не было под Ачикулаком воды. Воду казаки где-то далеко доставали в артезианских колодцах, привозили в брезентовых вёдрах пополам с грязью, а я эту воду кружкой делил…»

В январе 1943 года части вермахта начали отступать, и перед нашими войсками была поставле-

на задача запереть их на Северном Кавказе и разгромить, не допустить, чтобы они соединились с другими своими частями. Их преследовали в основном кавалерийские части Красной армии. В ходе преследования был освобождён Пятигорск, Кисловодск, Минеральные Воды, Ставрополь. Наши войска двинулись на запад, освобождая оккупированные районы страны.

Весной 1943 года проводились мероприятия по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной армии». Должности политруков и замполитов упраздняются. Отец получает направление на переподготовку в артиллерийское училище в Ташкенте. Когда он туда прибыл, оказалось, что в городе высокая преступность и сил милиции не хватает. Поэтому курсанты днём занимались, а ночью патрулировали город. Им отменили офицерский паёк и денежное довольствие. Учиться в этих условиях было тяжело. И тогда несколько офицеров-фронтовиков написали возмущённое письмо на имя Верховного главнокомандующего И. В. Сталина.

Через несколько дней из Москвы приехала правительственная комиссия для проверки фактов, указанных в письме. Отец рассказывал, что после приезда комиссии в училище навели порядок. Перестали привлекать к ночному патрулированию, поставили на офицерское довольствие. Комиссия также приняла решение провести экзамен по математике, ибо не у всех курсантов было среднее образование. После экзамена тем, кто его выдержал, сократили срок переподготовки до шести месяцев. Отец оказался в их числе. Тем, кто не смог сдать математику, срок оставили прежний – полтора года. Часть фронтовиков отказались сдавать экзамен и попросились на фронт.

В январе 1944 года мы с мамой поехали к отцу в Ташкент. Мне было всего два года и четыре месяца. От той поездки у нас осталась фотография, на которой отец в шинели и шапке-кубанке, мама молодая и красивая и я в бархатном пальтишке и капоре, перешитых мамой из её вещей. Отец говорил, что наш приезд очень его поддержал, а эту фотографию он называл «моё тайное оружие». Он рассказывал, что на фронте накануне наступления проводил со своими бойцами беседы и, показывая это фото, говорил, что они пойдут в бой за своих детей и близких и должны победить. И эти слова вселяли в них уверенность в победе.

По окончании учёбы в 1944 году отца направили командиром батареи 1417-го истребительно-противотанкового полка 12-й артиллерийской бригады прорыва в Резерв Верховного Главнокомандования (РВГК). Во время войны в РВГК было одиннадцать артиллерийских и миномётных дивизий, они предназначались для усиления формирований действующих армий на определённое время. Поэтому их постоянно перебрасывали туда, где нужен был прорыв, где планировалось наступление.

Наши войска освобождали Украину и двигались к границе. Вот письмо отца от 26 августа 1944 года: «Ну вот я опять на войне, участвовал в прорыве обороны противника северо-западнее г. Яссы, за что в числе всех участников получил благодарность от нашего Сталина в приказе по войскам 2-го Украинского фронта от 22 августа 1944 года. Часть моих ребят представили к правительственной награде. <...> Вспоминаешь тот день – он кажется нам праздником. Было очень людно и шумно, хотя немного и опасно для костей. <...> Читай: в приказе т. Сталина от 22 августа сказано, что за три дня боев прорвали оборону в глубину 60 км, а я за эти дни проехал 200 км по сопкам, падям и прочим городам и лесам. Словом, было очень жарко и спать не приходилось...»

Через несколько дней за участие в Ясско-Кишинёвской операции отец был награждён орденом Красной Звезды. На сайте «Подвиг народа» опубликованы наградные документы всех фронтовиков из архива Минобороны.

Из наградного листа:

«Награда – орден Красной Звезды.

Дата совершения подвига – 17.09.1944.

Описание подвига (написано от руки, карандашом. – *Д. Б.*):

Гвардии старший лейтенант Балибалов в боях с 20.08 по 18.09.44 г. показал себя как храбрый, инициативный офицер, способный управлять огнём батареи в любой тяжело сложившейся обстановке.

В боях 17.09.1944 г. у моста западнее д. Гирода его батарея подверглась контратакам пехоты и арт. обстрелу противника. Но тов. Балибалов под огнём противника своей батареей отразил все атаки противника, тем самым не допустил прорыва танков и пехоты противника на шоссе Тимишоара – Рекаш. При этом огнём его батареи рассеяны и частично уничтожены две колонны пехоты противника и уничтожена одна машина» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Ед. хр. 635).

После успешной Ясско-Кишинёвской операции Румыния была выведена из войны на стороне Германии, и наши войска двинулись в сторону Болгарии. Там сложилась особая обстановка. Официаль-

но эта страна не воевала с Советским Союзом, но на её территории находились немецкие войска, причём число их увеличивалось за счёт тех, кто отступал под ударами наших войск из Молдавии и Румынии.

Наше командование при подготовке операции в Болгарии учитывало её положение как сателлита фашистской Германии, а также глубокий политический кризис внутри страны. Советское правительство предлагало болгарскому правительству разорвать союз с Германией и на деле соблюдать нейтралитет. Но этого не произошло. 5 сентября 1944 года наше правительство заявило, что Болгария уже давно практически находится в состоянии войны с Советским Союзом и отныне СССР будет находиться в состоянии войны с Болгарией. 8 сентября наши войска вступили на территорию Болгарии, а 9 сентября в её столице началось национально-освободительное восстание. Вскоре к восставшим присоединились многие части болгарской армии. 16 сентября советские войска вошли в Софию. Профашистское правительство было свергнуто. В октябре 1944 года правительства СССР, США и Англии заключили перемирие с Болгарией. В сражениях против гитлеровского вермахта на территории Югославии и Венгрии вместе с советскими войсками участвовало около 200 тысяч болгарских воинов.

Советских солдат здесь встречали как освободителей. Отец часто вспоминал «братушек», говорил, что они продемонстрировали любовь и уважение к русским воинам. И уже после войны мы с удовольствием пели популярную тогда песню:

Где ж вы, где ж вы, очи карие,
Где ж ты, мой родимый край?
Впереди страна Болгария,
Позади река Дунай...
Вспоминаем очи карие,
Тихий говор, громкий смех.
Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех!

После освобождения Болгарии боевой путь отца лежал на север – в Венгрию, где были тяжёлые кровопролитные бои. С 6 по 28 октября он в составе 2-го Украинского фронта участвовал в Дебреценской операции, в результате которой было нанесено поражение немецкой группе армий «Юг», а затем вместе с воинами 3-го Украинского фронта наши части заняли выгодное положение для разгрома противника в районе Будапешта. Он был превращён в крепость. В декабре 1944 года батарею отца перебросили на 3-й Украинский фронт. Будапештская стратегическая операция продолжалась с октября 1944 года по февраль 1945 года. Будапешт был взят 13 февраля.

После этого воинская часть отца двинулась на юго-запад в район озера Балатон. Отец называл города Секешфехервар, Надьканижа, где немцы и мадьяры (как тогда называли венгров) бились насмерть. Он говорил, что там была самая настоящая мясорубка.

Причину этого кровопролития объясняет писатель С. Смирнов в очерке «Балатонская битва»: «В этот последний период войны ... южные области Германии, Австрии, Чехословакии приобрели особо важное значение для гитлеровской империи. <...> В Австрии находился один из центров добычи железной руды и бокситов, на западе Венгрии, близ города Надьканижа, – последние оставшиеся в руках гитлеровцев источники нефти. <...> Гитлер и его генералы хотели затянуть войну, чтобы тем временем договориться о сепаратном мире с американцами и англичанами. <...>

В Венгрию прибыла та самая 6-я танковая армия СС, которая ... нанесла столь сокрушительный удар по американским войскам в Арденнах и едва не вызвала крах всего западного фронта союзных армий. <...>

Противник решил нанести свой главный удар на узком 18-километровом фронте между озёрами Веленце и Балатон. <...> Здесь на каждый километр фронта приходилось 76 танков противника. Такая цифра была достигнута впервые за всё время войны...

В это время Ставка Верховного Главнокомандования уже готовила новое наступление в сторону Вены. И войскам маршала Толбухина было приказано встретить удар противника упорной обороной, измотать немецкие войска, нанести им возможно больший урон, чтобы тем самым облегчить условия нашего будущего наступления на столицу Австрии...» (Венок Славы: Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне: в 12 т. Т. 10: Освобождение Европы. М.: Современник, 1986).

Сохранились в архиве отца две справки с благодарностями от Верховного главнокомандующего Сталина: № 306 от 24 марта 1945 года «За разгром танковой группы немцев юго-западнее гор. Будапешт» и № 320 от 30 марта 1945 года «За отличные боевые действия ... при прорыве обороны противника южнее озера Балатон и за овладение городами Надьбайом, Бегене, Марцали и Надьятаг».

В Венгрии были у отца ранения, простуда, контузии, но из родной батареи в госпиталь комбат не уходил, не хотел расставаться с однополчанами. На одном из перевязочных пунктов он встретил своего друга-земляка, с которым служил ещё на Дальнем Востоке, Никифора Егорова. Оба они до конца своих дней вспоминали эту встречу. И спустя много лет к юбилею друга отец написал стихотворное поздравление:

Друг мой закадычный! Друг мой фронтовой!
Много похлебали мы беды с тобой.
Вспоминать не будем, не поверят, нет,
Как на ранах наших таял красный снег. <…>
Как в огонь и в воду пёрли напролом,
Музыкой служил нам орудийный гром.
Яро выли «тигры», скрежетала бронь…
Не робей, наводчик! В душу мать… Огонь!
Повезёт – вернёшься ты в родимый дом,
Вспомнишь на досуге чёртов Балатон…
Семь высот за нами, сколько их вдали?
Что считать, Никифор, веселей пыли!

За венгерскую кампанию отец получил только медаль «За взятие Будапешта», хотя был представлен и к награждению орденом Отечественной войны. Но награждение не состоялось: он, можно сказать, угодил под трибунал. Дело в том, что он всегда отличался самостоятельностью в принятии решений. И вот, получив приказ поставить свою батарею в определённое место, отец накануне боя проверил и просчитал все варианты стрельбы, проанализировал данные разведки. И пришёл к выводу, что если он поставит свои «сорокапятки» там, где приказано, то неминуемо прямое попадание – и амба.

Он разместил орудия там, где посчитал нужным, утром был бой, а вечером его вызвали в штаб и потребовали объяснить, почему он не выполнил приказ. Потом комбат Балибалов был отстранён от командования батареей. Специально созданная комиссия выяснила, что он поставил свою батарею в единственно возможное место, все остальные точки простреливались. К сожалению, когда этот приказ отменили, то трёх погибших комбатов, которые не осмелились нарушить приказ, воскресить уже не смогли. Командир полка сказал отцу, что они не будут заводить дело на него, пусть он забудет об этом, и тут же на его глазах разорвал представление к награждению орденом Отечественной войны I степени.

Орден этот отец получил через 30 лет, когда фронтовиков наградили в связи с юбилейным Днём Победы. Пришёл из военкомата очень растроганный и рассказал нам эту историю. Потом закончил: «Всё-таки он нашёл меня, этот орден. Как я тогда переживал! Но и сейчас бы поступил так же. Главное, у меня никто не погиб, я верил, что командование разберётся и меня оправдают».

Венгрию отец вспоминал часто, но писать о тех событиях не мог. И когда слушал песню Исаковского «Враги сожгли родную хату», то после слов «и на груди его светилась медаль за город Будапешт» он смахивал слезинку.

В Австрии сопротивление немцев увеличилось. Немецкое командование ввело военно-полевые суды, которые расстреливали дезертиров, поставило заградительные отряды, чтобы пресечь случаи паники. Почти каждый населённый пункт приходилось брать штурмом. Дороги перекрывали завалами из камней и брёвен, минировали их. Наиболее упорное сопротивление немецкие войска оказывали в отрогах Восточных Альп.

В апреле 1945 года началась Венская операция. Отец участвовал в ней в составе 3-го Украинского фронта. Его часть шла в направлении к городу Грацу, нанося удары по узловым железнодорожным станциям. Бои были жестокими. Операция была хорошо подготовлена, мощно оснащена техникой.

Германское командование продолжало усиливать оборону Вены, она должна была стать такой же крепостью, как Будапешт. Столица Австрии имела не только политическое, но и военно-стратегическое значение, как центр промышленного района и крупный узел коммуникаций, порт на Дунае. В Венской операции было задействовано около 1 миллиона 150 тысяч человек с обеих сторон.

О тяжёлых апрельских боях отец пишет маме в майских письмах: «Должен тебе сказать, что апрель был для меня очень тяжёлым месяцем. Попадал в сложные переплёты, и только, видно, судьба не упасть на этом месте. <…> Это были для меня, пожалуй, самые тяжёлые дни нынешней весны. <…> Я выполнил задачу почти без потерь и за это получил орден Александра Невского».

Из наградного листа:

«Дата совершения подвига – 08.04.1945, 15.04.1945.

Описание подвига или заслуг:

В боях за Клех (Австрия) 08.04.45 г. противник крупными силами контратаковал наши наступательные части, батарея ст. л-та Балибалова с марта была выброшена на этот участок. Ст. л-т Балибалов с хода развернул батарею и прямой наводкой в упор расстреливал огневые точки и живую силу

противника, где уничтожил: 1 орудие ПТО, 3 миномёта, 6 пулемётов, рассеял и частью уничтожил до роты пехоты противника, тем самым дал возможность отбить контратаку противника и первым ворвался в Клех.

15.04.45 г. в районе ст. Унгер противник сконцентрировал крупные силы пехоты и артиллерии, несколько раз контратаковал наши части, но благодаря разумным действиям, стойкости в бою и личной храбрости все атаки противника были отбиты и 214 СП полностью овладел ст. Унгер.

В этом неравном бою батареей уничтожено: 1 бронетранспортёр, 2 орудия ПТО, 3 миномёта, 5 пулемётов и до 100 солдат и офицеров противника».

Отец получил за бои в Австрии «младший» полководческий орден Александра Невского и внеочередное звание капитана. Свой боевой путь он закончил в маленьком австрийском городке Вильдон в 20 километрах южнее Граца.

13 мая 1945 года он пишет большое письмо: «Здравствуй, Асенька! Это письмо я пишу тебе на пятый день после войны. Стало быть, для тебя всё ясно. Значит, ты действительно любила и ждала меня, и твоя любовь спасла меня на поле брани. Теперь уж осталось немного до нашей встречи, думаю, дождёшься.

Как вы праздновали День Победы? Что было на душе и на сердце в этот день у тебя? Я тебе расскажу, как провели его мы. Начну чуть издалека. Первую половину апреля мы наступали в Альпах. Горы, лес. Немец сопротивлялся отчаянно. Каждый дом, гору брали с боя. Прямой наводкой из орудий расстреливали дома, где у немцев были пулемётные гнёзда. Отбивали контратаки. Я со своими ребятами всё время шёл впереди. Все приказы выполнили. Было тяжело. Потом стояли в обороне в лесу.

Первое мая мы праздновали по-нашему, по-русски. В полдень 8 мая получаем приказ – встать на колёса. Марш. Выбираем огневые позиции, готовимся к атаке. На переднем крае тишина необыкновенная. Ночью занимаем огневой рубеж на скате горы. Ложусь отдыхать около пушки. Ночь свежая, тёмная, впереди зарево пожаров. Ни одного выстрела. Тишина. После полуночи слышу голос своего радиста, весёлый, радостный: «Фриц окончательно дошёл. Москва салютует в честь Победы. Война кончена!» Верю, и не верится.

9 мая. Утро ясное, солнечное. Кругом оживление. Начались митинги. Доносятся крики «ура». У нас в части тоже митинг – после едем вперёд. Навстречу идут небольшими группками пацаны, одетые в немецкую форму. Моя машина останавливается на краю пыльной улицы. Выхожу из кабины. Ко мне бежит невысокий паренёк, оборванный, в чёрной старенькой шляпе. Босиком. Лицо бронзовое, глаза чёрные, горят углями.

Кричит по-русски:

– Здравствуйте.

За ним второй. Оба протягивают мне руки, смеются:

– Мы ростовские.

Я в этот момент пережил всё, понял всё. На глазах у меня навернулись слёзы, еле сдержался. Так вот во имя чего ты, Иван Алексеевич, пришёл в эти края, пролил кровь, пережил страшные дни 41-го, вынес все тяжести войны – вытащить этого паренька из рабства. Ты это сделал, выполнив свой долг до конца. И от осознания этого так радостно стало на душе, я почувствовал в это мгновение себя большим человеком, утверждающим на Земле счастье.

На другой день – путь через горы. Ревут на крутых подъёмах моторы студебеккеров. Мелькают маленькие, чистенькие австрийские деревушки. На домах флаги из трёх полос – две красные по краям, третья белая в середине. Чем дальше углубляемся в Австрию, тем больше русских ребят и девушек, почти у каждого дома. Они ликуют, машут нам, кричат приветствия. Лица праздничные, в глазах у них яркое солнце счастья. Они готовы тебя расцеловать, сделать для тебя всё, что ты захочешь, и всё это с благодарностью, с чувством высочайшего уважения к тебе. Вот тебе, воин, плата за твои тяжкие ратные труды, вот тебе награда за твоё мужество и отвагу. Что может быть выше этого? Это действительно для нас был праздник Победы. Торжество».